

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Л.В. Недоступова
г. Воронеж, Россия

**ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА РУБАШЕВЦЕВ
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ СЕРЕДИНЫ XX В.
(этнолингвистический аспект)**

Аннотация: В работе представлена традиционная одежда сельских жителей. Целью научного сочинения является репрезентация лексики, отображающей элементы женского и мужского костюма середины XX в. поселка Рубашевка Воронежской области: предметы одежды и украшения как компоненты материальной культуры деревенского человека. В статье применены методы: интервьюирования, наблюдения, описания и анализа. В исследовании описаны наименования предметов сельской одежды представителей обоих полов. Установлено, что деревенский костюм, являясь жизненной потребностью, отличался скромностью. Он представлен небольшим ассортиментом вещей без излишеств, в том числе зимней и летней, праздничной и будничной одеждой. В процессе изыскательской деятельности определено, что в XX в. местные рукодельницы мастерски подходили к пошиву элементов костюма, используя преимущественно натуральные материалы. Языковой материал доказывает наличие в речи селян общеупотребительных, разговорных, просторечных, устаревших и диалектных лексем. В статье показано, что современный костюм жителей социума заметно отличается от прежнего, однако традиция прошлого еще жива в устах респондентов. Новизна научного исследования заключается в том, что в нем впервые материальная культура рубашевцев воссоздана посредством сельского костюма, нашедшего отражение в народном говоре; содержатся ценные сведения о многообразии и динамике развития деревенской жизни, об эволюции сознания носителей языка, о быте уходящих поколений. Практическая значимость работы состоит в том, что она вводит в оборот новые диалектные материалы, репрезентирующие самобытные традиции жителей Центрального Черноземья, которые можно использовать в работе со студентами и школьниками в рамках изучения курса «Воронежское лингвокраеведение», а также в цикле мероприятий, посвященных 300-летию Воронежской губернии.

Ключевые слова: язык, материальная культура, традиционный костюм, одежда женщин и мужчин.

Информация об авторе: Любовь Виниаминовна Недоступова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, Московский пр., д. 14, 394026 г. Воронеж, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>

E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.10.2024

Дата одобрения рецензентами: 18.04.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Недоступова Л.В. Традиционная одежда рубашевцев Воронежской области середины XX в. (этнолингвистический аспект) // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 46–64.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-46-64>

1. Постановка проблемы

Каждый язык имеет особую картину мира. Ученые сходятся во мнении, что она формирует тип отношения человека к окружающему (природе, животным, самому себе и своему внешнему облику), задает нормы поведения человека в мире. Очевидно, что «картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп и т. д.» [3, с. 26].

Известно, что «невозможно познать историю, культуру народа без познания языка. Язык сохраняет и передает накопленное людьми знание. Язык позволяет многое рассказать о народе, о его отношениях с другими народами; язык позволяет иногда приоткрыть и собственные тайны. Язык народа реализуется через его речь. Значит, каждый носитель языка через свою речь ответствен за судьбу всего языка» [11].

Важно отметить, что «интерес к человеку, его внешности и внутреннему миру в их взаимообусловленности пробудился у человечества на самых ранних этапах его развития. Образ человека, его внешность, духовный мир — ядро каждой нации, системы ее ценностей» [14, с. 255].

Следует учитывать при этом, что «одна из важнейших частей материальной культуры — народный костюм. В костюме заметнее всего происходящие перемены, в нем отражается неповторимое своеобразие страны и народа, живущего в ней. Одежда — один из основных элементов этой культуры, она меняется в зависимости от конкретных условий <...>. Помимо своего основного назначения одежда является выразителем национальной принадлежности и теснейшим образом связана с историей народа, она позволяет определить историко-культурные связи той или иной группы людей» [20, с. 116].

Как правило, «одежда и обувь являются <...> показателем социального статуса человека, его этнической и территориальной принадлежности» [8, с. 266].

Необходимо подчеркнуть, что «у русской народной одежды многовековая история. Общий ее характер, сложившийся в быту многих поколений, соответствует внешнему облику, образу жизни, географическому положению и характеру труда народа» [20, с. 116].

Этнографические особенности Воронежской губернии (в том числе комплексы одежды) описаны краеведами XIX – начала XX в.: П. Малыхиным, Г. Ткачевым, Ф.И. Поликарповым, А. Путинцевым, Е. Переверзевым, Д.К. Зелениным, Н.И. Второвым, Н.П. Гринковой, Н.И. Лебедевой, Г.С. Масловой, Л.Н. Чижиковой. Однако объектом их внимания стали только несколько местных уездов.

С.П. Толкачева, изучая народный костюм XIX – начала XX в. на архивном и музейном материале, утверждает:

Сложная история формирования населения воронежских земель отразилась во всех областях народной культуры, и особенно в традиционном костюме, который сохранял самобытные черты вплоть до 30-х, а в некоторых районах до 60 годов XX века. <...> В результате сложных миграционных процессов Воронежские земли заселялись выходцами из различных мест России и Украины. Территорию края осваивали выходцы из рязанских городов — Шацка, Пронска, Ряжска, Данкова, тульских — Епифани, Новосиля, Ефремова, орловского Ельца, тамбовских и курских городов и сел, а также из «замосковных» уездов [26, с. 4].

Исследователь пришел к заключению:

Воронежскую губернию отличает необычайное многообразие одежды. В разных уездах, селах, а иногда и в пределах одного села можно было увидеть всевозможные комплексы костюмов. В журнале «Всемирная иллюстрация» за 1860 год отмечалось: «Всякому некоренному жителю резко бросается в глаза пестрота, разнообразие костюмов, какие в других губерниях едва ли можно видеть. Особенно в женских костюмах столько отличительного, типического, столько пестроты и красоты, вкуса и безвкусицы в праздничных нарядах, головных уборах, столько смеси старинного с новым, своего и прошлого, что надо удивляться, откуда такая разнообразная смесь одежд, нарядов, фасонов и названий» [26, с. 20].

Наше внимание обращено на сельское поселение, расположенное на севере Воронежского края, в 20 км от поселка городского типа Анна.

Приведем некоторые исторические данные:

Поселок Рубашевка расположен <...> в пределах Окско-Донской равнины. Балкой Лог Борщевка поселок разделен на три части, <...> является административным центром Рубашевского сельского поселения. <...> Как и целый ряд поселений, возникших в Прибитюже, <...> поселок Рубашевка сформировался в начале XIX века из хуторов, упоминания о трех из которых датируются 1797 годом. Свое наименование поселок получил в 30–40 годы XIX века по фамилии помещика из соседнего большого села Большие Ясырки Ивана Ивановича Рубашевского, действительного статского советника, который в период с 1825 года по 1831 год занимал должность вице-губернатора в Воронеже. <...>

Сельцо Рубашевка, как эстафетная палочка, несколько раз переходило от одного помещика к другому <...>. К началу XX века <...> здесь действовал овчарный заводик, винная лавка А.И. Баженова <...>.

В настоящее время на территории поселка расположены следующие социально значимые объекты: фельдшерско-акушерский пункт, дом культуры, библиотека с книжным фондом почти 7,5 тысяч экземпляров, отделение почты, два магазина товаров повседневного спроса. К 2020 году в поселке было газифицировано 60 домовладений. Окрестности Рубашевки славятся своими рыбными угодьями [28].

Согласно статистическим данным, здесь проживает примерно 975 человек.

Целью исследования является презентация лексики, отображающей элементы женского и мужского костюма середины XX в. поселка Рубашевка Воронежской области: предметы одежды и украшения как компоненты материальной культуры деревенского человека.

Языковым материалом выступила речь местных жительниц: Бозюковой Марии Никифоровны, 1926 г.р., Деревенских Веры Михайловны, 1930 г.р., и Мамонтовой Веры Степановны, 1935 г.р., зафиксированная в полевых условиях в непринужденной обстановке.

Актуальность научного исследования вызвана существующим интересом к одежде как жизненной потребности селян минувшей эпохи. Кроме того, для выявления языковой специфики региона важен анализ языка даже небольших поселений.

2. Методы

Лексика по теме «Одежда» в настоящее время исследуется учеными-диалектологами в свете антропоцентрической парадигмы. Значительный вклад в изучение народной одежды внесли лингвисты: З.А. Петрова [24] (С.-Петербург); В.Н. Мартынова [16] (удмуртские говоры); А.Д. Черенкова [27], Л.К. Лыжова [15], В.И. Дьякова [5], М.В. Панова [22–23], Л.В. Недоступова [17–19], Т.В. Карасева [9] (воронежские говоры); Л.А. Климкова, И.В. Назарова [10] (нижегородские говоры); О.Г. Борисова [1] (кубанские говоры); Т.В. Евдокимова, Л.Ю. Евтихиева [6] (тамбовские говоры); Л.В. Ненашева [20] (архангельские говоры); О.Н. Крылова [12–13] (севернорусские говоры); Ю.В. Зверева [7–8] (permские говоры); Е.Н. Новикова [21] (говоры Карелии) и многие другие. Описанная лексика составляет колоритный фонд русской диалектной лексики. Однако еще многие говоры ожидают своих исследователей.

Ученые считают, что «изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность нашей культуры» [2, с. 89]. Вот почему «необходимо знать и понимать неоценимую роль народной некодифицированной речи. Необходимо знать, как говорили и как говорят на севере и на юге России <...>. Надо знать диалекты, народные говоры. Вот почему и сейчас просвещенное человечество преклоняет голову перед В.И. Далем, инженером, врачом, моряком, но человеком, прославившимся тем, что всю жизнь собирал русские народные слова и оставил после себя бесценный «Толковый словарь живого великорусского языка» [11].

Рассматривая тематическую группу «Одежда», лингвисты применяли метод наблюдения, описания и анализа. В настоящей работе также используется метод интервьюирования респондентов.

В рамках данного изыскания мы познакомимся с названиями традиционных элементов одежды рубашевцев, установленными в процессе бесед с диалектоносителями.

3. Обсуждение результатов и дискуссия

Стоит учесть, что «на формировании костюма сельских жителей сказывались этические представления и нравственные понятия, условия жизни и традиции внешнего вида предшествующих поколений, обычай и обряды» [19, с. 189].

Важно и то, что уже с конца XVIII в., когда впервые упоминается исследуемый нами населенный пункт, произошла своеобразная ассимиляция русских диалектов, наблюдается и взаимодействие с украинским языком. Известно, что село Столяновка, основанное выходцами из Столяновской волости Киевской губернии, вошло в состав Рубашевки в 60 гг. XX в. Население Столяновки состояло из украинцев, говоривших на своем языке, и его численность была больше количества рубашевцев. Это не могло не оказать влияние на язык объединенного сельского социума.

По свидетельству информаторов старшей возрастной группы, в деревенской традиции Рубашевки середины XX в. определенное значение отводилось одежде представителей разных полов. Каждая из имеющихся в гардеробе вещей сельского жителя имела свое назначение.

Определим значение понятия «одежда», используя словарь. В Малом академическом словаре (далее — MAC) оно толкуется как ‘совокупность предметов (из ткани, меха и т. п.), которыми покрывают, облекают тело. || Совокупность предметов, которые надевают поверх белья; платье’ (MAC [29]).

Рубашевские респонденты рассказывают: *У кάжнава в нашинской диревни ф симействи была и жёнасская, и мужицкая одежка*¹.

Уточним, *одежка* — ‘разг. Уменьш. к одежда (совокупность предметов (из ткани, меха и т. п.), которыми покрывают, облекают тело)’ (МАС [29]). В Словаре Д.Н. Ушакова (далее — СУ) лексема представлена с пометой *просторечное* в значении: ‘уменьш.-ласкат. к одежда’ (СУ [32]). В Словаре русских народных говоров (далее — СРНГ) лексическая единица *одежка* толкуется многозначно: ‘одежда’ с указанием бытования ее в говорах Рязанской, Тульской, Новгородской, Вологодской, Челябинской областей, Армянской ССР, КАССР и Верховья Лены. || Верхняя одежда. Воронежская область || Плохая одежда. Костромская область (СРНГ, в. 23, с. 11 [30]).

Кроме того, в местном говоре используется лексема *наряды* как синоним слову *одежка*: *Наряды ráни в прáзден были фсýкаи*. Уточним, *наряд* — ‘то, во что наряжаются; одежда’ (МАС [29]). В СУ лексическая единицадается с пометой *устаревшее*. ‘Одежда (преимущ. женская), костюм; то, во что рядятся, наряжаются’ (СУ [32]). В СРНГ находим: ‘наряды — (праздничный) наряд, одежда’. Местом бытования слова называются говоры Московской, Владимирской, Рязанской, Пензенской, Воронежской, Саратовской, Костромской и Вологодской областей (СРНГ, в. 20, с. 143 [30]).

Иллюстрируя одежду прошлого века, информаторы говорят: *И платья фсýкаи, и кóхты да бядра насили. У вóрата прапéха была, атишивáли ииé. Калбáли бáбы иуóлкими узóры*.

Заметим, что лексема *платья* (мн. ч.) в значении ‘женская одежда, верхняя часть которой, соответствующая кофте, составляет одно целое с нижней частью, соответствующей юбке’ отличается от литературного слова *плáтья* ударением и выступает в данном случае *акцентологическим диалектизмом*.

Лексическая единица *кóхта* (представляющая *кофту*) употребляется в значении ‘короткая (обычно до пояса или до бедер) женская одежда’ (МАС [29]). Она может считаться *фонематическим диалектизмом*, поскольку отличается от общеупотребительного слова одной фонемой. Интересно, что еще в середине XX в. на данную особенность воронежских говоров указывала профессор Н.П. Гринкова: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т. п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: хвонт, хвакт, па урахвику» [4, с. 197]. В СРНГ лексема не отображена.

Рубашевские респонденты констатируют: *Свítыры сýчás пашли, а ráни радýтили иих ни знали. У нас биднатá была*. По сути, это пример того, как материальное положение оказывалось на внешнем виде сельчан.

Продемонстрируем составляющие деревенского костюма. Языковые данные позволяют показать, что в качестве женской нательной одежды *бáбы под нис надивали нýжнию ю́пку*. Далее чаще всего следовал сарафан: *Таскали сарафана́. Иих шили с разными рóшиками*.

Интересно, что «впервые женская одежда под названием “сарафан” упоминается в письменных источниках XVII в. Этот термин использовался в то время для обозначения одежды в виде платья, надевавшегося через голову, с рукавами или без рукавов и для высокой юбки на лямках. Для обозначения этого типа одежды использовали раз-

¹ Следует отметить, что в работе используется русская упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре — фрикативный (γ).

личные названия <...> Одни из них указывают на ткань, из которой изготовлен сарафан, и ее окраску: “золотник”, “набивной”, “набивник”, “сукня”, “кубовый”, “буклевый”, “штофный”, другие — на особенности покроя: “продуванка”, “шубка”, “раздуванка”, “юпочка”, “юбка”» [26, с. 48].

Отметим, что лексема *сарахвани* является акцентологическим и фонематическим диалектизмом одновременно, поскольку отличается от литературного варианта как местом ударения, так и фонемой (на месте *ф* → *хв*). В СРНГ слово не представлено.

Одежда сельчан, по свидетельству информаторов, различалась. В частности, как самой тканью, так и по назначению: *Шелквыи сарахвани были тұта у бауатых. А сітцваи прастыи насили, халстыйни насили па двару, дамашини. Красили их. Краинибы были прázшиныи. И бұдники насили.*

Уточним значение лексических единиц: *шелковый* — ‘связанный с получением и обработкой шелка (пряжа, нитки из такого вещества или из искусственного, синтетического волокна. Ткань из такой пряжи, таких ниток или из искусственного, синтетического волокна’ (МАС [29]). Далее, *ситцевый* — ‘сделанный из ситца (легкой хлопчатобумажной гладкоокрашеной или набивной ткани’ (МАС [29]). Укажем, что *холстый* — это ‘сделанный из холстины, холста’ (МАС [29]). Примечательно, что лексема *бұдник* функционирует в значении ‘буденная одежда, мужская и женская, рабочая сермяга, тяжелко, гунишка, сарафан’ (Толковый словарь живого великорусского языка — далее СД) (СД [31]). В СРНГ находим: *бұдник* — ‘будничная, непраздничная одежда’ (СРНГ, в. 3, с. 245 [30]).

Любопытно, почему на территории распространения паневного комплекса появляется сарафан.

Оказывается, «распространение комплекса одежды с сарафаном связано с процессом заселения Воронежского края. В XIX – начале XX в. сарафан зафиксирован в женской и девичьей одежде бывших дворцовых крестьян, проживавших в Бобровском уезде, в некоторых однодворческих селах Валуйского уезда, в Новохоперском уезде, в качестве девичьей одежды — в Бирюченском, Павловском уездах, у однодворцев — «талагаев» Нижнедевицкого, Коротоякского, Воронежского, Землянского уездов, у «щуканов» Воронежского и Коротоякского уездов» [26, с. 48]. Примечательно, что «в пределах каждого комплекса наблюдалась значительная вариативность составляющих их элементов» [26, с. 28].

По нашим наблюдениям, деревенский обычай включал ношение *рубах*. Как правило, она выглядела таким образом: *В рубáхи халстíнаи падмышки фиíфки фставляли, и вы́ризы были вакрух уóрла. Ишиó стóйки были. Тұта пирет, урудýна то йисить, да́ли спíнка, лымки — фсе была э́та. На прázден манжéта на рукави были красныи. Нади瓦ли с сарахвáном. И мужи́чи рубáхи были, ну прóстинькаи ани.*

Заметим, что в МАС лексическая единица *рубáха* представлена так: ‘мужская одежда для верхней части тела, употребляемая как принадлежность белья или как верхняя одежда. || Женская или детская одежда, употребляемая как принадлежность белья’ (МАС [29]). Добавим, что слово *рубáха* в значении ‘крестьянская рубашка (мужская или женская)’ приведена в СРНГ с указанием распространения в Курской, Орловской, Тульской, Калужской, Воронежской, Рязанской, Новгородской, Архангельской, Вологодской, Казанской, Пермской, Оренбургской областей || ‘Женская холщовая рубашка с рукавами, которую надевали с поневой или сарафаном’ — в Курской, Брянской, Рязанской, Новгородской, Архангельской, Свердловской, Курганской, Сибирской обла-

стей и Вост. Казахстана || ‘Женская рубашка со сборками или неглубокими складками по вороту, надеваемая под сарафан’, — в Ярославской области (СРНГ, в. 35, с. 214–215 [30]).

В традиции Рубашевки *исподка* была у бáбаф на тéли, дли тилá. Уточним, что в СРНГ представлены следующие значения лексемы: *исподка* — ‘нижнее белье’. Местом функционирования названа Иркутская область || ‘Нижняя, обычно женская рубашка’ — Вологодская, Кировская, Сев.-Двинская, Архангельская, Свердловская, Костромская, Уральская, Омская, Иркутская области || ‘Нижняя часть женской сорочки’ — Вятская || ‘Нижняя юбка’ — Средний Урал, Иркутская область || ‘Кальсоны’ — Свердловская область и др. (СРНГ, в. 12, с. 232 [30]).

Укажем, что лексема *манжёта* в МАС представлена в следующем толковании ‘пристегиваемый или пришитый обшлаг рукава (рубашки, блузки) || Заглаженный отворот брюк’ (МАС [29]).

При этом раньше рубашевые женщины рукодельничали: украшали узорами предметы гардероба: *Бáбы вышивáли адежжу, пóмню, мáма вышивáла верх ю́пки. Ишиó на пличáх рубáхаф вышивáли — наплéчки. Хто мох, кристóм шíли.*

В СРНГ лексическая единица *наплéчек* интерпретируется как ‘накладка на плечах рубахи’, распространена в диалектах Псковской и Тверской областей || ‘Наплечное украшение или часть одежды, покрывающая плечо; проймы сарафана’. Даль [без указ., места] (СРНГ, в. 20, с. 80 [30]). В МАС она не освещается.

По нашим наблюдениям, в гардеробе женщины были разные юбки, конструкция которых отличалась от сарафана отсутствием бретелей: *Бувáла ю́пки с палóскими шíли. Ис палóскаф матéрии, че бýла. Склáтки дéлали бальшéнинькия. Бýли и прямýя ю́пки, и ширóкия. Ширстя́ные там да шелкви. Сáмый нис ю́пки называють падóлом. Ю́пки с каймою бýли, тисмóй украшáли. Ю́пки шíли с халстíны, рашишиваю узóрами какýми-нить па нíзу. У ва фсех бáбаф бúднишныи и на прáзнику бýли. Шíли памноúа ю́пак. Тадá пárьи адежжи: бóли ю́пки ды кóхты. К прáзнику нóваю уотóвять ю́пку и кóхту. Хто рóзвai сатíнваи, хто мóжса шелквай аль кашимíр, аль какýи шишиó матирья́л.*

Обычно лексемой *юбка* называют ‘женскую одежду, облегающую фигуру от талии книзу || Часть женского платья от талии книзу’ (МАС [29]). *Подóл* — это ‘нижний край платья, пальто и т. п.’ (МАС [29]). Далее, *каймá* — это ‘полоса по краю какого-л. предмета, ткани и т. п., отличающаяся цветом, узором, материалом’ (МАС [29]). Добавим, что *тесьмá* — это ‘узкая тканая или плетеная лента, употребляемая для отделки платья, белья, а также для завязывания, скрепления чего-л.’ (МАС [29]).

Известно, что «на всей территории Воронежской губернии был распространен комплекс женской и девичьей одежды с юбкой. Выделяются два вида юбок, выполненных из разных материалов — домотканой шерсти и холста» [26, с. 45].

Следует учитывать, что слово *юбка* в настоящее время претерпевает очень интересное переосмысление. Юбкой называют сарафан, если его верх располагается под грудью, а бретели проходят через грудь; с другой стороны, такая же конструкция с завышенной талией без бретелей может называться сарафаном, а может и юбкой.

Важно отметить, что в повседневной жизни в качестве предмета на одежду деревенские женщины *насили фáртухи, аní на живатé завязвалися, ззáди. Тýта вот в Рубашéвки вóны биз фáртуха ныкудá.*

Уточним, что лексема *фáртух* считается фонематическим диалектизмом, она отличается от литературного слова одной фонемой. В СРНГ не освещается.

Респонденты говорят о применении в обиходе еще одного предмета: *нарукавники бýли, в них бáбы зимóю прýли*. В СУ находим толкование лексической единицы *нарукавники*: ‘особый, надеваемый сверху полурукав, предохраняющий одежду во время работы’ (СУ [32]).

Информанты свидетельствуют: *Таскали бáбы паддефки и таскали плюшки. Плюшки шíли с плюшу, теплаи ани, хучь ни длínнаи. Паддефки как нýня пальтúшки, на тáлии присбаренai. А у нýзу бóли раскляшенаi.*

В МАС слово *поддефка* представлено как ‘верхняя мужская одежда, род пальто в талию, с мелкими сборками’ (МАС [29]), что отличает его от существовавшего в исследуемом говоре. Среди значений лексемы *поддефка*, отраженных в СРНГ, — ‘шуба, покрытая тканью; пальто’. Местом бытования называются говоры Московской, Владимирской, Костромской, Иркутской областей (СРНГ, в. 27, с. 386 [30]).

Исследователь Л.В. Беловинский пишет, что поддевка «была распространена на русском севере, в Приуралье, в западных губерниях Европейской России, на юге России в XIX – начале XX века»².

Обратим внимание на лексическую единицу *плюшка*. Как видно, в рубашевском диалекте она имеет отличное от общеизвестного толкования (‘сдобная булочка’) и в СРНГ трактуется как ‘женская верхняя одежда из плюша’. В качестве территории распространения слова указывается Прикамье, Урал, р. Урал, Архангельская, Горьковская, Курская, Краснодарская, Амурская и Хабаровская области (СРНГ, в. 27, с. 173 [30]). Воронежский ареал не называется.

В ходе наблюдения за живой народной речью оказалось, что в местной традиции *жикéты бýли, карсéты тóжи. Жикéты бýли корóтки, а длínныя, ёжили па-старыннаму*.

Уточним, лексическая единица *жакéт* — это [фр. jaquette]. 1. Короткий, однобортный сюртук с закругленными спереди фалдами, визитка (*устар.*). 2. Короткая женская верхняя одежда, короткое женское пальто, обычно узкое в талии’ (СУ [32]). В местном говоре она выступает *фонематическим диалектизмом*, поскольку отличается от литературного варианта одной *фонемой*. В СРНГ лексема *жакет* не называется.

Используемое в речи информаторов слово *корсéт* в МАС представлено как [фр. corset]. Острый широкий пояс, стягивающий нижнюю часть грудной клетки и живот для придания стройности фигуре’ (МАС, URL [29]). В народных говорах, по данным СРНГ, лексема употребляется в следующих значениях: ‘1. Верхняя короткая одежда, короткий зипун’ с указанием Орловской области, а также ‘верхняя одежда из домотканого сукна, которую носили только в будни, в дождь’ с указанием Саратовской области; ‘шубка’ — Астраханской области; ‘летняя короткая верхняя мужская одежда из домотканого сукна — Воронежской области. 2. ‘Верхняя короткая одежда без рукавов, иногда со сборками сзади (меховая, шерстяная, коленкоровая и т. п.)’ — Донской, Астраханской, Тамбовской, Орловской, Зап.-Брянской, Томской областей и Приангарья. 3. ‘Женский жакет, кофта с рукавами, часто в талию’ — Тульской, Воронежской, Тамбовской и Владимирской областей. 4. ‘Сatinовая кофта, украшенная вышивкой и блестками, застегивающаяся на одну или две пуговицы у пояса’ — Саратовской области (СРНГ, в. 14, с. 372–373 [30]).

² Беловинский Л.В. Поддевка // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ереминой. М.: Эксмо, 2007. С. 496. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Поддевка> (дата обращения: 10.09.2024).

Проиллюстрируем предметы гардероба мужчин, не освещенные ранее. Известно, что, как правило, *штаны тканныи мужсукі насили. На станку в избे бабы ткали. Штаны друуи, ни такия, как сиачас.*

Уточним, что лексическая единица *штаны* — ‘разг.’. То же, что брюки или панталоны’ (СУ [32]); *тканый* — это ‘изготовленный тканьем (то, что выткано (материя, узор и т. п.))’ (МАС [29]).

Диалектоносители свидетельствуют: *Шаравары таскали и штаны мужсукі.* Укажем, *шаровары* — ‘длинные широкие штаны особого покроя, часть национальной одежды некоторых народов’ (МАС [29]).

Использовали в качестве одежды и так называемые сопли. Конкретизируем: *Таскали сопли мужсукі, лехкаи такия штанишки ис халстá.* Известно, что слово *сопля* распространено в народных говорах в значениях, отличных от литературного языка. В частности, ‘мужские холщевые штаны’ — Терек. || ‘Длинные панталоны’ — Орловская область || ‘Шаровары’ — Воронежская область’ (СРНГ, в. 39, с. 336 [30]).

Из речи информантов узнаем, что *дли халадóф с вáти шíлись вáтники.* Энти *штаны с вáти дéлали, стяуáли вручну́я. Как квадратáми их выстеували. Теплаи ани бýли, тóластai.*

Примечательно, что в МАС лексема *вáтник* охарактеризована как ‘разг. Стеганая ватная куртка или безрукавка’ (МАС [29]), однако в рубашевском говоре она имеет иное значение, что позволяет отнести ее к семантическим диалектизмам. В СРНГ слово не отражено.

Из уст респондентов известно, что еще в холодную погоду *мужчины тулúпы насили с авéчий шéристи.* *Тулúпы у ва фсех бýли. У мавó папáки был тулúп, он па земí ташийлси. Ишио теплаи бýли, их звáли шúбы, ну ани ни длínнаи, а так нýжса калéнаф.* *Насили шúбы, éжили бýли в дóми. Ды шúбы тадá бýли. Шúбы и тулúпы шíли с авéц, с авéчии шéристи.* *Рани авéц, баранаф памноúа дюжса диржáли.*

В МАС лексема *тулúп* трактуется как ‘длинная, обычно не крытая сукном меховая шуба без перехвата с высоким воротником’ (МАС [29]). В СУ указывается: ‘тулуп [турк. tulup — шкура]. 1. Долгополая меховая шуба (преимущ. овчинная, заячья), обычно не крытая сукном. 2. Шерсть на животном (обл.)’ (СУ [32]).

В осенне-весенний период в качестве верхней одежды и женщины, и мужчины использовали фуфайки, именуемые *кухвáйки* и *куфáйки:* *Бýли кухвáйки теплаи и жилéтки биз рукавóф.* *Куфáйки тады асянью ды вясноú таскали.* *Надéнуть и идуть управлýтца. Анá и тяплó, и лóфка.*

Детализируем, *куфáйка* — это ‘фуфайка’. В СРНГ 1980 г. отмечается, что данная лексема распространена в говорах Ленинградской, Вологодской, Костромской, Тульской, Орловской, Калужской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской, Ростовской, Стalingрадской, Тамбовской, Краснодарской, Ставропольской, Сибирской, Томской, Новосибирской, Омской, Кемеровской, Красноярской, Уральской, Иркутской областей, Вост. Казахстана, Сев. Прииссыккулья, Киргизской ССР, Коми АССР, Марийской АССР, Вост. Закамье и Бурятской АССР (СРНГ, в. 16, с. 180 [30]). Лексема *кухвáйка* в используемых нами словарях не рассматривается.

Укажем, что *жилéтка* — ‘то же, что жилет: короткая мужская одежда без воротника и рукавов, поверх которой носится пиджак, сюртук и т. п.’ (МАС [29]).

Вместе с тем, по данным рубашевцев, была и *растинутая адежска, иé насили нараспáшку и внакýтку.* О деталях селяне говорят следующее: *Варатникí бýли прастýи, рéтка у кауó с лисíцы, а фсе бóли з зáйца.* *Застиуáлися на застешки, а ишио*

крючті бýли. Йих ф пётли застіуáли и таскали так вóта. Рáни на пúвицах адежски бýла ма́ла. Карманы́ бýли накладныя, рукава́ ишишо́, так и есть.

Заметим, что селяне предпочитали подпоясывать верхнюю одежду: *Рáни патпая́вались и какíми-ньть тря́пкими. Абóрку каку́я на́йдуть, иé и вазьмúть. Ишишо́ апая́ски бýли на адежски и у мужсукóф, и у бáбаф.*

Интересно, что лексема *опоя́ска* в МАС приводится с пометой *просторечное* в значении ‘пояс, обычно в виде шнурка, тесьмы’ (МАС [29]); в СУ с пометой *областное* в том же толковании (СУ [32]).

По свидетельству информаторов, у сельской верхней одежды различали 2 стороны: *Есть у адешки лицавáя и изнáнашная старанá. Тадá надява́ли дёти наизнánку, а мамáка руу́лася. Патклáтки бýли и матéрчитаи, и ширистыяныи.*

Уточним, что *тадá адешка с вéшалкими* былá, *йих вручнúя нашивáли*. Помню, как ма́ма рукáми нашивáла и нам, и дёду. *С сабóй, бувáла, платкí дли нóсу в карманах таскали, прóстинькия.*

На ноги, как известно, женщины надевали чулки: *Рáни чулкí ширистыяныя аль бризентóвии, аль такия шíли овéчий. Э́т хто че смауál. А бауáты люди вдавалá фсе имéли.*

Укажем значение лексем: ‘чулки — это ‘изделия машинной или ручной вязки, надеваемые на ноги и заходящие за колени’ (МАС [29]). *Брезентóвые* — это ‘брэзентовые: сделанные из брезента (грубой плотной непромокаемой парусины)’ (МАС [29]). Слово *брэзентóвые* является акцентологическим диалектизмом, поскольку отличается от литературного варианта ударением.

Дополним, что и мужчины, и женщины, в Рубашевке носили носки. В теплое время года — суконные, в холодное — шерстяные. Уточним детали: *наскí сукónнаи на науáх таскали кадá типлó на дварé. А ширистыяныя — калí халаднó, маразá бьють. Йих и бéлаи, и чернаи свáжутъ, бувáла. Каку́я шéристь с авéц напрядóуть, такия и нóсяютъ.*

Сделаем пояснение: *носки* — это ‘короткие чулки, не доходящие до колен’ (МАС [29]). *Сукónные* — это ‘сделанные из сукна: шерстяной или полуsherстяной ткани с войлокообразным слоем на лицевой стороне’ (МАС [29]).

В качестве одежды для рук, по свидетельству респондентов, использовали рукавицы, варежки, перчатки и так называемые мохнатки. Вот что об этом говорят сельчане: *Рукавíцы вязáли с шéристи, ширистиини. А ишишо́ с афчíны шíлися. Маразá тады́ крéпкаи, а в них ни замéразнишь — ни халаднó. Бýли и вáришки с пáльцами. На мяхú махнáтыи — эт махнúшки, а ишишо́ рабóчии бýли. Как пилить ѫль рубить, срásам йих и надива́ли. Пярчáтки с пáльцами бувáлача зимóю навáжутъ. Шéристь патóлиши панапридóуть. С авéчий шéристи аль с пúху казлíнауа йих визáли. Так внéшния старанá, а снíзу, аттéля — стáрыи, рвань. И сминить дю́жса нéчим бýла.*

Обратим внимание, что лексема *мохнúшка* в МАС не представлена. Однако она рассматривается в СРНГ, в том числе в значениях: ‘Рукавица из собачьей, волчьей, козьей и т. п. шкуры шерстью наружу, которую обычно надевают поверх других рукавиц’. В качестве территории распространения в источниках указаны говоры Челябинской, Иркутской областей, Бурятской АССР, Верховья Лены || ‘Шерстяная вязаная рукавица’ — Казанская, Архангельская области (СРНГ, в. 18, с. 310–311 [30]). Можно сделать вывод, что анализируемая лексическая единица является *собственно лексическим диалектизмом*.

Нельзя не отметить, что представительницы женского пола в Рубашевке носили украшения к одежде.

Обратимся к словарю: *украшение* — ‘1. Действие по глаг. украсить-украшать. 2. То, что украшает, придает красоту, красивый вид кому-чему-н.’ (СУ [32]).

Языковой материал, собранный из уст диалектносителей, позволяет получить представление об их составляющих в Рубашевке. В ушах женщины носили серьги. Подметим, *серьги стикляннаи в ухáх* — энт былá такáя украшéнья. У аднéй зуленинкаи, у фтарóй — бирюзóвинакай. А у кауó и жáрваи.

Одновременно приведем данные Интернет-энциклопедии «Рувики»: «серьги, сережки — украшение, носимое в ушах, в которых для этого необходимо прошить отверстия. По основной версии древнерусское слово «серыга» восходит к тюркскому «sygýa» — «кольцо». Серьги буквально — «ушные подвески в виде кольца». По другой версии этимологического словаря Фасмера, слово «усерязь» является преобразованным древнерусским словом «усерядзи» *userēdzi, которое в свою очередь является родственным готскому *ausihriggs (ушные кольца)»³.

На руки, как известно, иногда надевали кольца. Сельчане рассказывают: *Кόльцы тóута бýли у бауáтых людеф, бéдныи, прастýя ихи ни таскали. Ишио абру́чник — энт абручáльныя кальцо, кадá жинíлися. Ну ни з зóлата, как сычáс, а мéдныи.*

Уточним, что лексема *кольцо* обозначает ‘предмет (чаще всего из металла), имеющий форму обода, обруча || Предмет такой формы, носимый на пальце как украшение или как символ брака’ и др. (МАС [29]). Слово *обру́чник* в значении ‘обручальное кольцо’ в СРНГ приводится с указанием распространения в Тамбовской области (СРНГ, в. 22, с. 216 [30]). В МАС оно дается в ином толковании, что позволяет считать его семантическим диалектизмом.

Кроме того, следует сказать, что сельские женщины *бýсы тóжси стикляннаи насили в прáден. И ажирéлио с бýсаф. Ишио манисто када надиваáли, ёжили былá.* Известно, что *бýсы* — это ‘украшение в виде нанизанных на нитку шарообразных, округлых или иной формы зерен из стекла, камня и других материалов’ (МАС [29]); *манисто* — это ‘ожерелье (из бус, монет или каких-л. разноцветных камней)’ (МАС [29]).

Информаторы конкретизируют: *Маниста састайть з бусýнак разнých размéraf: рят памéни, рят пабóли. Дополним, что лексема монисто в толковании ‘украшение в виде металлической цепочки на шею’ отмечена в говорах Псковской, Тверской, Смоленской, Южной, Олонецкой областей (СРНГ, в. 18, с. 253 [30]).*

Интересно, что в качестве *аксессуара* к одежде женщины использовали ленты. Примеры речи диалектносителей показывают, что *ишио лéнки разнацвéтнаи насили. Дéфки ихи сабé фкóсы фплитáли. Ани бувáлачка и ширóкаи, и ўскаи бýли. Красивúшиий! И лéнки бýли с пўувицами стикляннами, разнацвéтнами. Их на уалавé насили.*

Заметим, что функционирующее в рубашевском говоре слово *лéнка* в значении ‘лента’ в СРНГ трактуется как ‘узкая полоса из какой-либо ткани, лента’ с указанием распространения в Воронежской, Тульской, Орловской, Донской, Тамбовской, Пензенской, Новосибирской областей, Армянской ССР и Азербайджанской ССР (СРНГ, в. 16, с. 353 [30]), что, собственно, подтверждают данные статьи.

Итак, представленный в настоящем исследовании языковой материал доказывает наличие в речи жителей Рубашевки общеупотребительных, разговорных, про-

³ Серьги // РУВИКИ — новая российская интернет-энциклопедия. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Серьги> (дата обращения: 10.09.2024).

сторечных, устаревших и диалектных лексем (в том числе собственно лексических, акцентологических, фонематических, семантических лексических единиц).

4. Заключение

Таким образом, в ходе длительного исследования собран полевой материал, дающий представление об элементах женского и мужского деревенского костюма и лексике, его называющей. Безусловно, он отражает материальную культуру, нравственные и этические представления рубашевцев, традиции и обычаи прошлого столетия. В них содержатся ценные сведения о многообразии и динамике развития сельской жизни, эволюции сознания носителей языка, быте уходящих поколений.

Вreprезентированной сельской традиции середины XX столетия женская одежда и ее элементы включали: *платья, кофты, сарафаны, рубахи, исподки, юбки, фартуки, нарукавники, поддевки, плюшки, жакеты, фуфайки, корсеты, опояски, чулки, носки* и др. Укращением к одежде считались: *ленты, наплечики, серьги, кольца, бусы, монисто* и др.

Мужской гардероб представляли: *рубахи, штаны, шаровары, сопли, ватники, тулуны, шубы, фуфайки, жилетки, опояски, носки* и др.

В качестве одежды для рук выступали *рукавицы, варежки, перчатки, мохнатки*.

Все отмеченное выше свидетельствует, что одежда функционально делилась на зимнюю и летнюю, праздничную и будничную.

Совершенно очевидно, что местные рукодельницы мастерски подходили к пошиву одежды. При шитье они использовали преимущественно натуральные материалы: шкуру овцы — овчину; овечью шерсть; холщевые ткани, выработанные в домашних условиях и др.

Резюмируем: традиционный костюм рубашевцев был некой жизненной необходимостью и отличался скромностью. Он представлен небольшим ассортиментом вещей, но был достаточным для пользования, без излишеств.

Разумеется, современная одежда рубашевцев заметно отличается от прежней. Меняется эпоха, а с ней и реалии. Вместе с тем уходит некоторая лексика, отображающая деревенский костюм середины прошлого века, «исчезают старые предметы обихода и старые слова» [20, с. 122].

Однако традиция еще жива в устах диалектоносителей, и они с большим удовольствием воссоздают ее в процессе непринужденного общения.

Новизна научного исследования заключается в том, что в нем впервые представлена материальная культура жителей Рубашевки посредством сельского костюма середины XX в., нашедшего отображение в местном говоре и картине мира диалектоносителей.

Следует согласиться с мнением А.Д. Черенковой: «чем полнее будет изучена речь отдельных регионов, тем точнее будет наше представление об устройстве и функционировании диалектного русского языка, тем полнее будут знания о духовной и материальной культуре русского народа» [27, с. 663].

Полагаем, что настоящее исследование будет любопытно диалектологам, влюбленным в народную речь, краеведам, этнолингвистам. Оно станет интересным и полезным для студентов и школьников в рамках изучения курса «Воронежское лингвокраеведение», а также в цикле мероприятий, посвященных 300-летию Воронежской губернии, поскольку может обогатить его новой информацией о традициях жителей родного региона.

Совершенно очевидно, что «диалектоноситель иначе ословливает окружающий мир, рисует картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта и развивая и обогащая их» [25, с. 37].

В завершение отметим, что данная работа пополняет свежими материалами копилку исследований по отображению материальной культуры человека в воронежских диалектах и может иметь продолжение. Слова известного российского слависта Т.И. Вендиной приобретают особую актуальность в настоящее время:

Необходимо преодолеть равнодушие к диалектному слову, оценить его глубину и мудрость, чтобы восстановить утраченные или полузабытые смыслы языка традиционной духовной культуры [2, с. 90].

Список литературы

Исследования

- 1 *Борисова О.Г.* Наименования одежды в говорах Кубани // Лексический атлас русских народных говоров — 2000: (мат. и исследования). СПб.: Наука, 2003. С. 109–115.
- 2 *Вендина Т.И.* Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров — 2022: (мат. и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2022. С. 72–94.
- 3 *Гвоздева А.А.* Этносоциокультурная обусловленность языковой картины мира // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2003. № 3. С. 24–30.
- 4 *Гринкова Н.П.* Воронежские диалекты: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1947. 300 с.
- 5 *Дьякова В.И.* Название одежды в воронежских говорах // Тезисы докладов и сообщений Первой обл. науч.-практич. конф. по теме «Воронеж. краеведение: опыт, перспективы развития» 25–26 ноября 1989 г. Воронеж: [б. и.], 1989. С. 68–70.
- 6 *Евдокимова Т.В., Евтихиева Л.Ю.* Терминология обрядовой одежды в этнолингвистическом контексте // X Всерос. диалектологическое совещание — ЛАРНГ — 1994. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. С. 54–58.
- 7 *Зверева Ю.В.* Народные представления о прилично / неприлично одетом человеке в пермской диалектной лексике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 13–23.
- 8 *Зверева Ю.В.* Названия частей одежды в русских говорах Пермского края // Лексический атлас русских народных говоров — 2020: (мат. и исследования) / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2020. С. 266–281.
- 9 *Карасева Т.В.* Названия одежды в говоре села Тресоруково Воронежской области // Воронежское краеведение: традиции и современность. Мат. ежегодной областной научн.-практич. конф. 25 ноября 2023 г. Воронеж: АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2024. С. 54–56.
- 10 *Климкова Л.А., Назарова И.В.* Лексика женских головных уборов в нижегородских говорах // Лексический атлас русских народных говоров — 1999: (мат. и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. С. 216–224.
- 11 *Костючук Л.Я.* О псковских говорах // Археология Пскова. Летопись. URL: <http://arheologpskov.ru/index.php/arheologija-pskova/istoriya-izucheniya/proekt-letopis/item/o-pskovskikh-govorakh> (дата обращения 10.09.2024).

- 12 Крылова О.Н. Наименования женской рубахи (на материале севернорусских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров — 1999: (мат. и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2002. С. 224–227.
- 13 Крылова О.Н. Названия женских головных уборов в севернорусских говорах // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): мат. III междунар. научн. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / редколлегия: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 79–82.
- 14 Литвинова Т.А. Лексика, характеризующая человека в воронежских говорах // Воронежское лингвокраеведение. Межвузовский сб. научн. тр. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. Вып. 2. С. 255–266.
- 15 Лыжкова Л.К. Характеристика группы слов со значением 'одежда', 'одеваться' в диалектной лексике // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу. М.: [б. и.], 1975. С. 261–263.
- 16 Мартьянова В.Н. Название одежды и ее элементов в русском говоре севера Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров — 1996: (материалы и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С. 190–193.
- 17 Недоступова Л.В. Что носили женщины в первой половине XX века // Русская речь. 2014. Вып. 5. С. 96–100.
- 18 Недоступова Л.В. Название мужской крестьянской одежды, обуви и головных уборов первой половины XX века (на материале говора п. Высокого Таловского района Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров — 2014: (мат. и исследования). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 568–576.
- 19 Недоступова Л.В. Возвращаясь в прошлое: краткий словарь наименований мужской и женской одежды, обуви и головных уборов первой половины XX века (на материале говора п. Высокого Таловского района Воронежской области) // Воронежское краеведение: традиции и современность. Мат. ежегодной областной научн.-практич. конф. 28 ноября 2015 г. Воронеж: АНО «НАУКА-ЮНИ-ПРЕСС», 2016. С. 189–196.
- 20 Ненашева Л.В. Названия женской одежды в говорах Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманистические и социальные науки. 2017. № 1. С. 115–123.
- 21 Новикова Е.Н. Названия одежды в русских говорах Карелии // Лексический атлас русских народных говоров — 1997: (мат. и исследования). СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2000. С. 92–96.
- 22 Панова (Концова) М.В. Архаическая лексика в воронежских говорах (на материале названий одежды) // Фольклор и литература: проблемы изучения. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. С. 185–195.
- 23 Панова (Концова) М.В. Этнолингвистическое описание наименований поневы в воронежских говорах // Диалектологический альманах. Сб. мат. и исследований. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ун-та, 2019. С. 32–46.
- 24 Петрова З.А. Народная одежда в тверском kraе: этнолингвистическое описание // X Всерос. диалектологическое совещание — ЛАРНГ — 1994. Тезисы докладов. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1994. С. 58–59.
- 25 Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкоznания. 2004. № 6. С. 25–48.
- 26 Толкачева С.П. Народный костюм Воронежской губернии конца XIX – начала XX века. Воронеж, 2007. 224 с. // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-7553914_1241 (дата обращения: 10.09.2024).

- 27 Чerenkova A.D. История изучения говоров Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров — 2014: (мат. и исследования) / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 656–663.

Источники

- 28 Поселок Рубашевка Аннинский район Воронежской области. URL: <http://online-anna.ru/anna10/poselok-rubashhevka.php> (дата обращения: 10.09.2024).
- 29 Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1999. Т. 1–4 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: [https://feb/mas/MAS-abc/Фундаментальная электронная библиотека](https://feb/mas/MAS-abc/Фундаментальная%20электронная%20библиотека) (дата обращения: 10.09.2024).
- 30 Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1968. Вып. 3. 360 с. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с. Л.: Наука, 1977. Вып. 12. 369 с. Л.: Наука, 1978. Вып. 14. 376 с. Л.: Наука, 1972. Вып. 18. 368 с. Л.: Наука, 1985. Вып. 20. 376 с. Л.: Наука, 1987. Вып. 22. 368 с. Л.: Наука, 1987. Вып. 23. 376 с. СПб.: Наука, 1992. Вып. 27. 401 с. СПб.: Наука, 2001. Вып. 35. 360 с. СПб.: Наука, 2005. Вып. 39. 343 с. // Сайт ИЛИ РАН. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 10.09.2024).
- 31 Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля: в 4 т. // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-b/372> (дата обращения: 10.09.2024).
- 32 Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) // ФЭБ: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us482508.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 10.09.2024).

Сокращения

МАС — Словарь русского языка.

СД — Толковый словарь живого великорусского языка.

СРНГ — Словарь русских народных говоров.

СУ — Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

***

© 2025. Lubov V. Nedostupova
Voronezh, Russia

**TRADITIONAL CLOTHING OF THE RUBASHEVTSY
OF THE VORONEZH REGION IN THE MID-20TH CENTURY (ethnolinguistic
aspect)**

Abstract: This paper presents the traditional clothing of rural residents. The purpose of this research is to present the vocabulary reflecting elements of women's and men's costume in the mid-20th century village of Rubashevka in the Voronezh Region: clothing and jewelry as components of the material culture of the villager. The article employs interviews, observations, descriptions, and analysis. The study describes the names of items of rural clothing for both sexes. It has been established that village costume, while a vital necessity, was characterized by modesty. It is represented by a small assortment of simple items, including winter and summer, festive and everyday clothing. Research has revealed that local artisans in the 20th century masterfully sewed costume elements, using primarily natural materials. The linguistic material demonstrates the presence of common, colloquial, vernacular, archaic, and dialectal vocabulary in village speech. The article demonstrates that the contemporary dress of the community's inhabitants differs significantly from that of the past, yet the traditions of the past are still alive in the mouths of the respondents. The novelty of this research lies in its being the first to recreate the material culture of the Rubashevtsy through rural dress, reflected in their vernacular. It provides valuable insights into the diversity and dynamics of village life, the evolution of the consciousness of native speakers, and the daily life of past generations. The practical significance of this work lies in its introduction of new dialectal materials representing the distinctive traditions of the inhabitants of the Central Black Earth Region. These materials can be used in work with students and schoolchildren as part of the course "Voronezh Linguistic and Regional Studies," as well as in a series of events dedicated to the 300th anniversary of the Voronezh Governorate.

Keywords: Language, Material Culture, Traditional Costume, Clothing of Women and Men.

Information about the author: Lubov V. Nedostupova — PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor, The Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Moskovsky Ave., 14, 394026 Voronezh, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1978-4725>

E-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Received: October 04, 2024

Approved after reviewing: April 18, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Nedostupova, L.V. "Traditional Clothing of the Rubashevtsy of the Voronezh Region in the mid-20th Century (Ethnolinguistic Aspect)." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 46–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-46-64>

References

- 1 Borisova, O.G. “Naimenovaniia odezhdy v govorakh Kubani” [“Clothing Names in Kuban Dialects”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 2000: (materialy i issledovaniia) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 2000: (Materials and Research)]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 109–115. (In Russ.)
- 2 Vendina, T.I. “Dialektnoe slovo v kul'turno-iazykovom kontekste” [“Dialect Word in Cultural and Linguistic Context”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 2022: (materialy i issledovaniia) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 2022: (Materials and Research)]*. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2022, pp. 72–94. (In Russ.)
- 3 Gvozdeva, A.A. “Etnosotsiokul'turnaia obuslovленность языковой картины мира” [“Ethnosociocultural Determination of the Linguistic Picture of the World”]. *Lingvoritoricheskaiia paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Lingvorhetoric Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]*, no. 3, 2003, pp. 24–30. (In Russ.)
- 4 Grinkova, N.P. *Voronezhskie dialekty [Voronezh Dialects: DSc Dissertation Thesis]*. Leningrad, 1947. 300 p. (In Russ.)
- 5 D'iakova, V.I. “Nazvanie odezhdy v voronezhskikh govorakh” [“Names of Clothing in Voronezh Dialects”]. *Tezisy dokladov i soobshchenii Pervoi oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po teme “Voronezhskoe kraevedenie: opyt, perspektivy razvitiia” 25–26 noiabria 1989 g. [Abstracts of Reports and Communications of the First Regional Scientific and Practical Conference on the Topic “Voronezh. Local History: Experience and Development Prospects” November 25–26, 1989]*. Voronezh, [s. n.], 1989, pp. 68–70. (In Russ.)
- 6 Evdokimova, T.V., Evtikhieva, L.Iu. “Terminologiya obriadovoi odezhdy v etnolingvisticheskem kontekste” [“Terminology of Ritual Clothing in the Ethnolinguistic Context”]. *X Vserossiiskoe dialektologicheskoe soveshchanie — LARNG — 1994. Tezisy dokladov [10th All-Russian Dialectological Conference — LARNG — 1994. Abstracts of Reports]*. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 1994, pp. 54–58. (In Russ.)
- 7 Zvereva, Iu.V. “Narodnye predstavleniia o prilichno / neprilichno odetom cheloveke v permskoi dialektnoi leksike” [“Popular Concepts of a Decently / Indecently Dressed Person in the Perm Dialect Lexicon”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologija*, vol. 9, issue 2, 2017, pp. 13–23. (In Russ.)
- 8 Zvereva, Iu.V. “Nazvaniia chastei odezhdy v russkikh govorakh Permskogo kraia” [“Names of Parts of Clothing in Russian Dialects of the Perm Region”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 2020: (materialy i issledovaniia) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 2020: (Materials and Research)]*, ex. ed. S.A. Myznikov. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2020, pp. 266–281. (In Russ.)
- 9 Karaseva, T.V. “Nazvaniia odezhdy v govore sela Tresorukovo Voronezhskoi oblasti” [“Names of Clothing in the Dialect of the Village of tresorukovo, Voronezh Region”]. *Voronezhskoe kraevedenie: traditsii i sovremennost'. Mat. ezhegodnoi oblastnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii 25 noiabria 2023 g. [Voronezh Regional Studies: Traditions and Modernity. Proceedings of the Annual Regional Scientific and Practical Conference November 25, 2023]*. Voronezh, ANO «NAUKA-UNIPRESS» Publ., 2024, pp. 54–56. (In Russ.)
- 10 Klimkova, L.A., Nazarova, I.V. “Leksika zhenskikh golovnykh uborov v nizhegorodskikh govorakh” [“Vocabulary of Women's Headaddresses in Nizhny Novgorod Dialects”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 1999: (materialy i issledovaniia) [Lexical atlas of Russian folk dialects — 1999: (Materials and Research)]*. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2002, pp. 216–224. (In Russ.)

- 11 Kostiuchuk, L.Ia. “O pskovskikh govorakh” [“On the Pskov Dialects”]. *Arkeologiya Pskova. Letopis'* [Archaeology of Pskov. Chronicle]. Available at: <http://arheologpskov.ru/index.php/arheologija-pskova/istoriya-izucheniya/proekt-letopis/item/o-pskovskikh-govorakh> (Accessed 20 September 2023). (In Russ.)
- 12 Krylova, O.N. “Naimenovaniia zhenskoi rubakhi (na materiale severnorusskikh govorov)” [“Names of Women's Shirts (based on Northern Russian Dialects)’]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 1999: (materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 1999: (Material and Research)]. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 2002, pp. 224–227. (In Russ.)
- 13 Krylova, O.N. Nazvaniia zhenskikh golovnykh uborov v severnorusskikh govorakh [“Names of Women's Headdresses in Northern Russian Dialects”]. *Russkii iazyk: sistema i funktsionirovanie (k 80-letiiu professora P.P. Shuby)*: materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 6–7 apr. 2006 g.: v 2 ch. [Russian Language: System and Functioning (to the 80th Anniversary of Professor P.P. Shuba): Proceedings 3rd International Scientific Conference, Minsk, April 6–7. 2006: in 2 parts], part 1, ex. ed. I.S. Rovdo. Minsk, RIVSH Publ., 2006, pp. 79–82. (In Belarus)
- 14 Litvinova, T.A. “Leksika, kharakterizuiushchaia cheloveka v voronezhskikh govorakh” [“Vocabulary Characterizing a Person in Voronezh Dialects”]. *Voronezhskoe lingvokraevedenie. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Voronezh Lingvoregional Studies. Interuniversity Collection of Scientific Papers], vol. 2. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2011, pp. 255–266. (In Russ.)
- 15 Lyzhova, L.K. “Kharakteristika gruppy slov so znacheniem ‘odezhda’, ‘odevat’sia’ v dialektnoi leksike” [“Characteristics of a Group of Words with the Meaning ‘odezhda’, ‘odevat’sia’ in Dialect Vocabulary”]. *Soveshchanie po Obshcheslavianskomu lingvisticheskому atlasu* [Meeting on the General Slavic Linguistic Atlas]. Moscow, [s. n.], 1975, pp. 261–263. (In Russ.)
- 16 Mart'ianova, V.N. “Nazvanie odezhdy i ee elementov v russkom govore severa Udmurtii” [“Name of Clothing and its Elements in the Russian Dialect of the North of Udmurtia”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 1996: (materialy i issledovaniia)* [Lexical atlas of Russian folk dialects — 1996: (Materials and Research)]. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 1998, pp. 190–193. (In Russ.)
- 17 Nedostupova, L.V. “Chto nosili zhenshchiny v pervoi polovine XX veka” [“What Women Wore in the First Half of the 20th Century”]. *Russkaia rech'*, vol. 5, 2014, pp. 96–100. (In Russ.)
- 18 Nedostupova, L.V. “Nazvanie muzhskoi krest'ianskoi odezhdy, obuvi i golovnykh uborov pervoi poloviny XX veka (na materiale govora p. Vysokogo Talovskogo raiona Voronezhskoi oblasti)” [“Names of Men's Peasant Clothing, Footwear, and Headresses of the First Half of the 20th Century (Based on the Dialect of the Village of Vysokogo, Talovsky District, Voronezh Region)”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 2014: (materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 2014: (Materials and Research)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, pp. 568–576. (In Russ.)
- 19 Nedostupova, L.V. “Vozvrashchais' v proshloe: kratkii slovar' naimenovanii muzhskoi i zhenskoi odezhdy, obuvi i golovnykh uborov pervoi poloviny XX veka (na materiale govora p. Vysokogo Talovskogo raiona Voronezhskoi oblasti)” [“Returning to the Past: A Brief Dictionary of Names of Men's and Women's Clothing, Footwear, and Headresses of the First Half of the 20th Century (Based on the Dialect of

- the Village of Vysokogo, Talovsky District, Voronezh Region) (Scientific Article)”. *Voronezhskoe kraevedenie: traditsii i sovremennost'*. Materialy ezhegodnoi oblastnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii 28 noiabria 2015 g. [Voronezh Regional Studies: Traditions and Modernity. Proceedings of the Annual Regional Scientific and Practical Conference November 28, 2015]. Voronezh, ANO «NAUKA-IuNIPRESS» Publ., 2016, pp. 189–196. (In Russ.)
- 20 Nenasheva, L.V. “Nazvaniia zhenskoi odezhdy v govorakh Arkhangel'skoi oblasti” [“Names of Women's Clothing in the Dialects of the Arkhangelsk Region”]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanities and Social Sciences], no. 1, 2017, pp. 115–123. (In Russ.)
- 21 Novikova, E.H. Nazvaniia odezhdy v russkikh govorakh Karelii [“Names of Clothing in the Russian Dialects of Karelia”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 1997: (materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 1997: (Materials and Research)]. St. Petersburg, ILI RAS, 2000, pp. 92–96. (In Russ.)
- 22 Panova (Kontsova), M.V. Arkhaicheskaya leksika v voronezhskikh govorakh (na materiale nazvanii odezhdy) [“Archaic Vocabulary in Voronezh Dialects (Based on Names of Clothing)”]. *Fol'klor i literatura: problemy izucheniiia* [Folklore and Literature: Problems of Study]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 185–195. (In Russ.)
- 23 Panova (Kontsova), M.V. “Etnolingvisticheskoe opisanie naimenovanii ponevy v voronezhskikh govorakh” [“Ethnolinguistic Description of Names of the Poneva in Voronezh Dialects”]. *Dialektologicheskii al'manakh. Sbornik materialov i issledovanii* [Dialectological Almanac. Collection of Materials and Research]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 32–46. (In Russ.)
- 24 Petrova, Z.A. “Narodnaia odezhda v tverskom krae: etnolingvisticheskoe opisanie” [“Folk Clothing in the Tver Region: an Ethnolinguistic Description”]. *X Vserossiiskoe dialektologicheskoe soveshchanie — LARNG — 1994. Tezisy dokladov [10th All-Russian Dialectological Conference — LARNG — 1994. Abstracts of Reports]*. St. Petersburg, ILI RAS Publ., 1994, pp. 58–59. (In Russ.)
- 25 Radchenko, O.A., Zakutkina, N.A. “Dialektnaia kartina mira kak idioetnicheskii fenomen” [“Dialectal Picture of the World as an Idioethnic Phenomenon”]. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 6, 2004, pp. 25–48. (In Russ.)
- 26 Tolkacheva, S.P. “Narodnyi kostium Voronezhskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka. Voronezh, 2007. 224 s.” [“Folk Costume of the Voronezh Province in the Late 19th – Early 20th Century”]. *Vkontakte*. Available at: https://vk.com/wall-7553914_1241 (Accessed 10 October 2024). (In Russ.)
- 27 Cherenkova, A.D. “Istoriia izucheniiia govorov Voronezhskoi oblasti” [“History of the Study of Dialects of the Voronezh Region”]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov — 2014: (materialy i issledovaniia)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects — 2014: (Materials and Research)], ex. ed. A.S. Gerd. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, pp. 656–663. (In Russ.)

Abbreviations

MAS — Dictionary of the Russian Language.

SD — Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language.

SRNG — Dictionary of Russian Folk Dialects.

SU — Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D.N. Ushakov.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-65-76>

УДК 398.3

ББК 82.3

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025. Elena V. Nikolaeva

Moscow, Russia

CROSS-CULTURAL SEMIOTICS OF MONEY BELIEFS IN THE 21ST CENTURY

Abstract: The paper deals with money beliefs and superstitions that persist in the everyday culture of modern Russia. Monetary beliefs are considered in the context of cultural globalization and a cardinal change of the world socio-cultural paradigm, which consists in digitalization and virtualization of all spheres of life, including financial relations. The study presents a cross-cultural analysis of money superstitions in modern world: it reveals sociocultural meanings of Russian monetary beliefs and their western (mainly British and American) and eastern (Chinese and Japanese) analogues in a synchronic and diachronic way. The paper discusses the reflection of money omens in linguistic, cultural and communicative formulas of everyday behavior and in festive socio-cultural practices, as well as their transformations in the modern everyday culture. The research was carried out from the positions of cross-cultural semiotics, linguocultural studies, sociocultural anthropology and sociology of culture using general scientific methods of observation and analytical description, methods of historical comparative studies, cultural analysis and sociological survey. The results obtained show that many ancient beliefs and superstitions related to money are still present in the semiosphere of modern culture. Meanwhile, the transfer of cultural experience occurs not only in the process of intergenerational interaction in the family, but also through mass electronic communications (blogs and social media networks). Some of the money beliefs have undergone certain changes, but traditional monetary rituals mostly remain unchanged though desacralized.

Keywords: Money, Money Superstitions, Folk Beliefs, Omens, Cross-cultural Semiotics, Linguocultural Semantics, Sociocultural Practices, Everyday Culture.

Information about the author: Elena V. Nikolaeva — PhD in Culturology, Associate Professor, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-7650>

E-mail: elena_nika@bk.ru

Received: July 15, 2024

Approved after reviewing: April 04, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Nikolaeva, E.V. "Cross-cultural Semantics of Money Beliefs in the 21st Century." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 65–76.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-65-76>

***

© 2025 г. Е.В. Николаева
г. Москва, Россия

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ СЕМИОТИКА ДЕНЕЖНЫХ ПОВЕРИЙ В XXI В.

Аннотация: Статья посвящена денежным повериям и приметам, сохраняющимся в современной российской культуре повседневности. Денежные поверия рассматриваются в контексте культурной глобализации и кардинальной смены мировой социокультурной парадигмы, основным содержанием которой является цифровизация и виртуализация всех сфер жизни, включая финансовые отношения. В работе представлен кросс-культурный семиотический анализ денежных примет, бытующих в современном мире: в синхроническом и диахроническом плане выявляются социокультурные смыслы российских поверий и их западных (преимущественно, британских и американских) и восточных (китайских и японских) аналогов, обсуждается отражение денежных поверий в лингвокультурных и коммуникативных формулах бытового поведения и в праздничных социокультурных практиках, а также их трансформации в современной культуре повседневности. Исследование опирается на теоретические положения и методологию кросс-культурной семиотики, лингвокультурологии, социокультурной антропологии и социологии культуры с использованием общенаучных методов наблюдения и аналитического описания, методов исторической компаративистики, культурологического анализа и социологического опроса. На основе полученных результатов делается вывод, что многие старинные приметы и поверия, связанные с деньгами, до сих пор присутствуют в семиосфере современной культуры, причем передача культурного опыта происходит не только в процессе межпоколенческого общения в семье, но и в пространстве массовых электронных коммуникаций (интернет-блоги, социальные сети). Некоторые из денежных поверий претерпели определенные изменения, но в основном традиционные денежные ритуалы, хотя и десакрализованные, остаются неизменными.

Ключевые слова: деньги, денежные приметы, народные поверия, кросс-культурная семиотика, лингвокультурная семантика, социокультурные практики, повседневная культура.

Информация об авторе: Елена Валентиновна Николаева — кандидат культурологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Малая Калужская, д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-7650>

E-mail: elena_nika@bk.ru

Дата поступления статьи: 15.07.2024

Дата одобрения рецензентами: 17.04.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Николаева Е.В. Кросс-культурная семантика денежных поверий в XXI в. // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 65–76.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-65-76>

Introduction.

Alongside with the deepening of globalization processes in the world economy and culture, the beginning of the third millennium witnesses the emergence and development of fundamentally new digital technologies and virtualization in many aspects of everyday life, including “commodity — money” relations. In spite of gradual withdrawal of banknotes and coins from “solid” physical reality, they still retain traditional symbolic meanings. In the modern sociocultural paradigm, based on the neo-mythological perception of the world around, money beliefs are not a rudiment of traditional mindset, but remain significant elements of everyday culture.

Despite the initial “digital” nature of monetary relations, the sociocultural function of money goes far beyond the universal equivalent of value and the code of social stratification. From the position of the philosophy of money established by G. Simmel, money appears as “a means, material or example of depicting those relationships that exist between the most external, realistic, random phenomena and ideal potentialities of being, the deepest flows of individual lives and history” [6, p. 312]. In the complete accordance with M. McLuhan’s famous maxim [13], money as a means of cultural communication is the message itself. In addition to the function of numerical denotations, performed as a sign system, money as a cultural artifact has a unique semantics related to the sociocultural paradigm of a particular society in a particular epoch. This semantics is determined, among other things, by the “techniques” and technologies of everyday culture and axiological systems of the society [8, 10]. Money as a linguocultural concept in different linguistic world-images contains specific emotional and evaluative components [11] and generates special associative fields determined by spiritual, moral and ethical patterns of a particular culture [1, 3]. For example, the ambivalence of money as a gift and as a sin, as the good and the evil leads to the fact that money in various cultural contexts, emerging due to specific situations of sociocultural communication, has occasional semantics [5, 9]. At the same time, money as a cultural system is characterized by multi-level semantics and a great depth of semiotic re-encoding [7, p. 57].

Evidently, many elements of national cultures, including money, are unique, evolving under the influence of the certain geographical, sociocultural, economic and political conditions and events [2]. On the other hand, the conceptualization of a wide range of objects and phenomena in the everyday life and in the language occurs on the basis of existing world vision, common for all humanity. Besides, many cultural artifacts, linguistic and cultural concepts, verbal and non-verbal forms and formulas of behaviour and, most importantly, their semantic layers, are often a result of intercultural interaction and various kinds of cross-cultural communications, which are occasionally very complex, non-linear and multi-level [14]. Money beliefs and superstitions that persist in different cultures today are no exception.

One of the most interesting aspects of the sociocultural semantics of money is folk beliefs and irrational sociocultural practices related to handling money in everyday culture. Many of money beliefs go back to ancient times, but still retain their relevance in modern people’s consciousness. Despite the high technologies that penetrate in all spheres of everyday life in the 21st century, money omens continue to have a significant influence on behavioral patterns, business and friendly communication formats and everyday culture in general. Sociocultural practices built around the symbolic meaning of money are reproduced in modern culture not only in a traditional way — transmission through cultural experience in the family from the older generation to the younger, but also in the process of enculturation and socialization driven by modern mass media, including internet sites and social networks. Surprisingly, the digital paradigm of culture does not contradict the neo-mythological collective

unconscious, but, on the contrary, it strengthens the “bewitchment of the world” and “divine society” (in the terminology of M. Maffesoli) [12]: money omens begin to extend to banknote numbers and digital monetary communications. Ignoring the actions prescribed by money beliefs is often interpreted as a cause of serious financial problems in the future.

Research methods

Money beliefs in everyday culture of modern Russian are considered in the correlation with their western (mainly English-language) and eastern (Chinese and Japanese) analogues from synchronic and diachronic points of view. The research is carried out from the positions of cross-cultural semiotics, linguocultural studies, sociocultural anthropology and cultural sociology. Continuing scientific explorations in the field of philosophy and anthropology of money ([4–10, 13], etc.) and conceptual linguistics ([1, 3, 11, 14], etc.), the study contributes to the topical issues of modern urban folklore and anthropology of everyday culture. The methodology comprises general scientific methods of observation and analytical description, as well as methods of historical comparative studies, cultural analysis and sociological survey. The sources used include ethnographic works of Russian and foreign historians and ethnologists [15, Vol. 1; 16–18; 20–23; 26–27] as well as information from various financial institutions [25, 28, 30], materials from internet sites dedicated to modern urban folklore, money superstitions and everyday financial practices [20, 24], the data of the survey conducted by the author, and personal author's observations.

Money beliefs in modern everyday culture

Money semantics in the annual and daily cycle

In all cultures, New Year's Eve is endowed with special magic, and it is assumed that a special magical power arises at midnight since all borderline states of the symbolic death of the old and the birth of the new in traditional cultures are believed to be sacred. Therefore, for example, having money in hands at the very moment when the clock strikes twelve, according to the Americans' conviction, will ensure economic prosperity in the coming year. In accordance with an ancient tradition in many countries, a lucky coin is baked in a Christmas pie or a special New Year's dessert. This custom comes back to a joke ritual in Medieval England, when a dried pea (later a silver ring or six-penny coin) backed in the “Twelfth Night Cake” made the one who got it the “king” or “queen” for that whole night. Interestingly, the Royal Mint of Great Britain still annually issues special *Christmas Silver Sixpence* designed to use in Christmas pudding. Today getting such coin in the piece of dessert means having a lot of money all year round. It is noteworthy that a similar tradition existed in the pre-revolutionary Russia and was preserved during the Soviet times: a “silver” 10-kopeck coin wrapped in foil was often baked in a homemade New Year's pie.

The same power of cosmic birth is attributed to the growing moon: during the new moon week, it is quite customary for Russian people to show money to the new moon that appears in the sky and the larger the banknotes, the better. Besides, the “spell” should be repeated three times, for example, as follows: «Молодник молодой, / у тебя рог золотой, / Тебе по небу ходить / А мне денежки копить» (Young youngster, / you have a golden horn, / You are to walk in the sky / And I am to gain money). Or more prosaic variants: «Тебе, месяц, молодеть, а моему кошельку деньгами богатеть» (You, a moon, are to be young, and my wallet is to get richer with money); «Расти-расти месяц, как ты растешь, так пусть и мои денежки растут» (Grow-grow, a moon, as you grow, so let my money grow). The money showed to the new moon must be spent only when the next moon is born.

In turn, in Britain playing with coins and twirling them in the pocket on the first days of each month is thought to multiply money by the end of the month. According to another

belief, the first money received during the day should be put into an empty pocket, as this will attract other money. This custom was initially popular in English markets, the first profit is still defined with the Old English word “*sefte*” (undisturbed, untroubled; easy, comfortable, pleasant [29]). England is also the birthplace of another similar behavioral pattern, which advises the first money received at the start of the year to be hidden in the wallet to attract more money.

Special rituals are prescribed for how and when to give money, including money borrowed. The time when you may return the borrowed money and pay the bills is also regulated by folk beliefs: both in Russia and in England it must be done in the morning, at least before sunset, and in no case in the evening. Moreover, even your own money should not be counted overnight — otherwise, there will be losses. Some household chores in the evening are also prohibited: you may not clean the home at night and take away the garbage after sunset — or the money will leave the house.

Money rituals with banknotes and coins

According to folk wisdom, a Russian kopeck that saves the rouble (“*копейка рубль бережет*”) and a saved English penny are equivalent to the earned one: “a penny saved is a penny earned”. However, in both cultures to save up small change is allowed only for children, as it will be a harbinger of poverty for adults. At the same time, both Russians and the British are sure that it is necessary to repay debts in smaller banknotes than those that were once received. Then you will never have to borrow money again. Both cultures demand respect for money: you may not sloppily thrust banknotes into a purse or pocket, you may not allow paper bills to lie there crumpled and in disorder. It is also important that the money in the wallet should lie from a larger nominal value to a smaller one, with the front side facing the owner.

Special attention both in Russian and Anglo-Saxon cultures is paid to the treatment of “new” money that has just been received or earned: they should not be spent immediately, they should be left to “spend the night” indoors, after which their “departure” from home will no longer be fatal to the owners’ well-being. Many Americans keep their first earned or won dollar as a mascot. In Russian culture, such a function is performed by the so-called “irredeemable” rouble, often silver, which is given to a novice entrepreneur for good luck in business. This belief is based on the widespread theory that the similar attracts the similar. In the financial context, in the Russian linguoconceptosphere, this maxim is formulated “*деньги к деньгам*” (money to money), and the English linguo-cultural statement sounds, “money draws money”. Russian beggars and street musicians act in a similar way putting in advance a hundred-rouble banknote or at least some small change into a hat, mug, box or violin case, where passers-by are expected to throw money for them. Among Russian private entrepreneurs engaged in trade, there is a rule to fan or wipe all the goods with the first money received from the sale on that day.

In addition, Russians consider an amulet that attracts wealth to be a coin with the value of five (five kopecks or five roubles), which is wrapped in a piece of paper so as not to confuse it with another, or put in a separate pocket of a purse. Initially in America, and now in many European cultures, success in money matters is associated with the possession of a 2-dollar bill. Such semantics stems from the rarity of this banknote: it is practically out of circulation. In Canada, the role of a monetary amulet is played by the so-called “dollar of the devil” (a banknote with a blurred devil’s silhouette found in the coiffure of Queen of the young British Queen Elizabeth II). The correlation of the world evil image with financial well-being is not

paradoxical, as the historical, religious and cultural connotations of money and wealth are associated with diabolical power and many sins from avarice and pride to betrayal and murder. In some sense, such an amulet is an attempt to deceive the devil or, conversely, appease him.

Among the harmless monetary talismans, there are three coins connected through holes in them with a red silk ribbon, which have been worn by the Chinese since ancient times, and today this money talisman has gained popularity in many European countries including Russia. A similar sacred function of multiplying money is credited to a bent in half or punched coin. This idea arose from the ancient belief that holed shells or stones, which in those times were used instead of money, were worn by the ocean gods as jewelry.

Since old times in different cultures, the number has been of particular importance as a bearer of certain symbolic meanings. Some digital combinations, for example, three sevens, are considered lucky by many people. Today, you can find many blogs on the internet explaining that banknotes, the number of which contains several 7, 8 or 9 digits in a row, bring good profits, especially if you pronounce a special spell over them, for example, such as “*Как Всеменная бесконечна, так восьмерки станут вечно мне в делах помогать, деньги ко мне привлекать. Земное с небесным уравняют, путь к богатству откроют и неустанно охраняют. Аминь!*” (“As the universe is infinite, so the eights will forever help me in my business to attract money to me. They will equalize the earthly and the heavenly, open me the path to wealth and guard tirelessly. Amen!”)¹. There is even a “magic” arithmetic about the serial numbers of banknotes. In social networks, people seriously claim that a banknote will bring good luck to the owner, if its number includes the digits, which make up his or her day, month and year of birth. To determine a personal lucky banknote, it is also proposed to correlate the letters of the first name with their ordinal numbers in the alphabet, then to add up those numbers to one digit, and then do the same with the patronymic and family names — banknotes with these numbers will serve as an amulet. In addition, it is recommended to find and store a banknote in which the letters of the series match the initials of the first and last name or make up an encrypted “happy” word (for example, “БГ” means “Богач” (the Rich)².

Money proxemics: indoors

Some superstitions are associated with the location of banknotes and coins in their owner’s physical space — a pocket, a purse, an apartment. In Chinese culture, it is important to keep the wallet at the waist level or higher, it is unacceptable to leave the wallet on the floor: according to Feng Shui, this will lead to the loss of money and wealth. Due to the popularity of Eastern teachings in the West, this attitude has fit into the modern everyday culture in many European countries, including Russia; in American culture it is fixed in a rhymed line: ‘a purse on the floor is money out the door’.

In many cultures, the power of attracting money to the house is attributed to the so-called “money tree” (a water pakhira in England and “tolstyanka” in Russia), whose leaves slightly resemble coins. These plants are often placed in the interiors to attract income to the home. And until now, in some apartments in Russia, one can see a horseshoe, more often a souvenir one, hanging over the front door or in the kitchen, with the ends up, so that money would invisibly “accumulate” in the horseshoe as in a bag.

In eastern cultures, according to Feng Shui, a powerful symbol of wealth is a frog,

¹ Шумова С. Счастливые номера банкнот // Ты сам себе маг. 13.03.2021. URL: https://dzen.ru/a/YEzhiq9Bo2ZBW_vu (дата обращения: 06.06.2024).

² Номер удачи на денежных купюрах // Дерево желаний. 14.07.2018. URL: https://vk.com/wall-57067774_588303 (дата обращения: 06.06.2024).

so people fold origami paper bills in the form of frogs and put them around the house or the apartment and into the wallets. In recent decades, with the spreading of Feng Shui practices all around the world, figurines of frogs sitting on “gold” coins have appeared in some Russian offices and apartments. In addition, people following Feng Shui rules keep the toilet lid in the bathroom completely closed, so that wealth would not “drain” into the sewer. In Russian culture, a similar belief applies to a broken running water tap: money is thought to flow away from the home with dripping water.

Money proxemics: outdoors

Money omens relate not only to the interior spaces; some money beliefs regulate people’s behavior in the external environment. For instance, even today, while constructing a private house, it is quite customary in Russia to put a coin under the basement corner for future financial well-being.

A special theme is a coin found in the street: according to various popular beliefs, it can bring both good luck and trouble. The English rhyme reads, “Find a penny, pick it up and all day long you’ll have good luck!” However, it is not that simple. Both in England and in Russia one may only take the coin lying with the “heads” (or emblem) side up. A coin with the obverse side down is believed to bring bad luck, so it is advisable to leave it on the ground. And it is better not to touch money found at night to avoid misfortune. In Japanese culture a coin found in the street, especially near a crossroad, will never be picked up as it is thought to cause trouble. In turn, the Russians will not collect the small change found under the threshold; such coins indicate that somebody wants to magically harm the owner of the house or the apartment. These coins must be thrown away, but they must not be collected with bare hands.

However, sometimes, as prescribed by beliefs in many cultures, people should throw away their own coin. For example, to make a wish come true, it is enough to throw a coin into the water. Historians associate this ancient custom with the ideas of holy sources and a peculiar payment for a miracle, with the “pagan imprint of sacrifice” stubbornly kept in the collective unconscious [18, p. 313]. Over time, this tradition transformed into the idea of a wishing well, and in modern urban culture, any fountain is suitable for this ritual. Today, other “sacred” places also used for this purpose, for example, a circle at the Zero Kilometer next to Red Square in Moscow. In addition, many Russians follow a tradition to throw a coin into the sea in order to return to that shore someday.

Some money beliefs are also associated with natural phenomena. Quite amazingly, in England, Russia and Turkey, when a bird flying over someone “marks” him or her, this unpleasant incident is considered a sign of impending monetary profit. The spider is a harbinger of financial success in many cultures, too.

In Britain, when seeing a shooting star in order to receive a lot of money one should pronounce the word “money” three times or as many times as he or she can before the star goes out; and the more times that word is uttered, the more money comes into their life. In Russian culture, a shooting star fulfills any wish made, which is not necessarily related to financial well-being.

Money beliefs and socio-cultural anthropology

Itchy palms in both English and Russian beliefs are associated with money and depending on which hand itches portend that a person will soon receive money or give it away. It is noteworthy that even in the same culture there are discrepancies in which hand corresponds to the arrival of money and to the parting with it. However, the left hand is more often considered the lucky hand. At the same time, regardless of which palm is considered lucky for money, if it itches, you should not scratch it, otherwise the money will not come, but the itchy unlucky

palm, on the contrary, must be strongly rubbed against a piece of wood to protect the savings. To prevent money from going to others, Russian people try not to pass money from hand to hand, even to a salesperson or cashier in the store, but put it on the table or on the counter.

According to Russian superstition, if you whistle indoors, there will be no money in the home. The British explain this Russian custom in an interesting way: "Obviously, this is due to the Russian idea that one should look pessimistically at future financial success. Whistling, from their point of view, is a sign of a carefree life, but money does not like a frivolous attitude" [24].

Body care practices are also regulated in a certain way by special beliefs to preserve financial well-being. In order not to lose your wealth, you need to cut your nails on Fridays (on your fingers during the daytime, and on your toes in the evening). Among the author's acquaintances there are many of those who follow this rule. Shaving is also prescribed on Friday. At the same time, many Russian people believe that those with hairy arms and hairy chests are marked by the fate as lucky, since these are signs of wealth.

In spite of the saying "*Деньги любят счет*" (money loves counting), Russian people avoid counting money aimlessly and calculating profits that have not yet been received for fear to lose them. Similarly, Russian belief forbids showing the contents of the wallet to anyone and boasting with their incomes. In European cultures, the topic of personal income is generally a kind of taboo in conversations.

In European cultures, shoes and stockings are traditionally considered as sacred objects for money rituals — thus, a coin used to be placed in a shoe or stocking as a gift to children at Christmas. In England, the coin must be in the bride's left shoe during the wedding so that she would never be left without money in her new life. This tradition, which has its roots in the late Middle Ages, is enshrined in the poetic description of the bride's outfit: "Something old, something new, something borrowed, something blue, and a silver sixpence in her shoe". Nowadays, British wedding salons offer brides shoes with a sixpence or a silver coin already embedded in them [25]. In Russia, a coin in the shoe serves as a talisman not for brides but for students who put a 5-kopeck-coin under the heel to get an excellent mark at the exam.

If a purse is presented as a gift, in order to attract financial luck both in Russia and in European countries, a coin or a small banknote will be put there. For the same reason, a Russian woman always leaves a coin in her handbags that are not in use at the moment. In England, after buying new clothes, a coin is to be put into the right side pocket for good luck.

Sociological survey: results and discussion

The survey was conducted at the Kosygin State University of Russia by means of an online questionnaire among students and postgraduates studying economics, advertising, television, sociology, journalism and technologies of light and chemical industry. 64 respondents participated in the survey — 50 female and 14 male (aged 17 to 35 years including 54 aged 17 to 21 and 10 aged 22 to 35). The sociological sampling is random and represents the age and gender characteristics of the Kosygin State University students and postgraduates of the professional fields mentioned above. However, the data received cannot be applied to analyze ethnic differences, which may be essential due to the multicultural nature of the Russian Federation. Thus, the results show some kind of generalized picture relevant to Russian young generations of the capital-city residents.

The questionnaire included the following questions: 1) Do you, your relatives and friends believe in money omens?; 2) What money omens do you know?; 3) If you believe in money omens — which ones exactly?; 4) Do you know any special money beliefs that exist in other cultures?

Among the respondents, 6% certainly believe in money omens, and 27% believe in some money signs. 5% of the respondents have all relatives and friends who believe in money signs, 38% have some of their friends, 58% have some relatives. 22% of the respondents stated that neither they nor their friends or relatives believe in money signs. It is noteworthy that the figures are almost the same in both age subgroups.

The most common omens which the respondents believe in are the following: you must not whistle indoors (16%); palms itch for money (left — to give away, right — to get) (12%); a bird has pooped on you — it is for money (12%).

In addition, some of the interviewed believe that: money should be given in the morning (6%); it is necessary to show money to the new moon (6%); a red wallet attracts money (5%); you must not put a bag on the floor (5%); you must not pass money from hand to hand (5%); you must not pass money through the threshold (5%); if you are confused with someone else or not recognized, then you will be rich (5%); step on poops is for money (5%); if a spider crawls over you, it is for money (5%).

Besides, the respondents named such folk rules about money as: it is better to spend crazy money on entertainment (1%); you must not sit on the table (1%); you must not collect crumbs from the table (1%); when the train goes, you should show it money (1%); you must not throw garbage out of home at night (1%); you must not tell your friends how much money you have (1%).

The respondents also mention “trade” omens: if some item falls off the shelf, it means it will be sold soon; for a good sale, the first cash for the day must be put on other goods; banknotes must be folded with the same side.

Only 8 respondents gave responses to the question about special money beliefs in other cultures. They listed: Chinese money talismans — a figure of a toad sitting on coins and a money tree; a Japanese mascot in the form of a cat waving a paw; a British pudding with a penny for the New Year celebrations; a dollar bill folded in a triangle (for Americans); a ban on asking others about their salaries (for Europeans).

It is noteworthy that along with the omens, two Russian proverbs were mentioned: “a kopeck saves a rouble” and “do not have a hundred roubles, but have a hundred friends.” This indicates that in the cultural unconsciousness of the younger generation, folklore layers of culture are present in the form of an amorphous alloy of heterogeneous elements united by some sort of a unified “hashtag” — folk culture.

Thus, a third of the respondents partially or completely believes in money omens, while the percentage of respondents whose relatives believe in omens is more than half. This seems to be explained by the fact that students’ relatives are mostly people of the older generation, who are more prone to superstition. As for awareness of money beliefs in other cultures, it is not too high — only 12% of respondents were able to give an example of money beliefs from other cultures, and most of the omens and cultural practices relate to eastern cultures.

Conclusion

The study shows that many ancient beliefs related to money are still present in the semiosphere of modern Russian culture. Some of them have undergone certain alterations, but mostly the traditional rituals, though being desacralized, remain unchanged.

It should be noted that each culture has its own beliefs associated with money and certain behavioral reactions that they regulate. On the other hand, while some of the beliefs are typical only for particular cultures (European or Asian), a number of omens appear to be the same in cultures with different types of national mentality and completely dissimilar linguistic and sociocultural world-images.

The research reveals that in modern culture money beliefs are not only an important component of the world's intangible heritage but also continue to define a number of relevant everyday sociocultural practices related to monetary relations.

Список литературы

Исследования

- 1 *Борисенко Т.В., Питина С.А.* Концепт ДЕНЬГИ / MONEY в структурах разных концептуальных категорий (на материале ассоциативных словарей) // Вопросы психолингвистики. 2023. № 3 (57). С. 23–35.
- 2 *Ерирова А.А., Казарян О.В.* Национальные особенности невербального коммуникативного поведения // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация. Сб. мат. Всерос. научн.-практич. конф. М.: Изд-во Рос. гос. ун-та им. А.Н. Косыгина, 2024. Т. 2. С. 128–131.
- 3 *Зайцева Т.А., Родичева А.А.* Концепт «деньги/money» в русской и английской языковых картинах мира // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 245–250.
- 4 *Зарубина Н.Н.* Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил, 2011. 200 с.
- 5 *Зелизер В.* Создание множественности денег // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 58–72.
- 6 *Зиммель Г.* Философия денег // Теория общества. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999. 411 с.
- 7 *Лукин В.А.* Семиотика денег: деньгоцентричность человека и антропоцентричность денег // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 55–64.
- 8 *Николаева Е.В.* Фрактальная семантика российских денежных купюр // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2015. № 5 (56). С. 156–163.
- 9 *Поланьи К.* Семантика использования денег // Поланьи К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2010. С. 89–103.
- 10 *Рыжкова А.Д., Макарова Т.Л.* Образы и символы в дизайне современных банкнот Европы // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 341–350. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-341-350>
- 11 *Шадрина А.А.* Эмоционально-оценочный компонент значения слов peníze, деньги, money // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 224–228.
- 12 *Maffesoli M.* Le réenchantement du monde: Morales, éthiques, déontologies. Paris: Table Ronde. 2007. 208 p.
- 13 *McLuhan M., Fiore Q.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. London: Penguin, 2008. 160 p.
- 14 *Nikolaeva E.V.* Cross-cultural verbal communication in everyday culture // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация: сб. мат. межвузовской научн.-практич. конф. М.: Изд-во Рос. гос ун-та им. А.Н. Косыгина, 2023. Т. 2. Р. 17–22.

Источники

- 15 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими ска

- заниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. 411 с.; 396 с.; 414 с.
- 16 Галсамин Р. Магия. М.: АСТ, 2018. 678 с.
- 17 Даль В. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: Вита-Нова, 2018. 400 с.
- 18 Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.
- 19 Ковынева М. Народные приметы о богатстве // Сайт «Культура.рф». URL: <https://www.culture.ru/materials/257802/narodnye-primety-o-bogatstve> (дата обращения: 31.05.2024).
- 20 Коренькова Т. Neomagia Russiae: Современные русские суеверия. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 76 с.
- 21 Предания о народных русских суевериях, поверьях / Репринт с издания: Москва, 1861. М.: Изд. Секачев В.Ю., 2020. 184 с.
- 22 Шеппинг Д.О. Русская народность в её поверьях, обрядах и сказках. М.: Амрита, 2022. 240 с.
- 23 Alexander M. British Folklore. Teddington: Crescent, 1988. 224 p.
- 24 Birken E.G. 9 Bizarre Money Superstitions People Actually Believe // WiseBread. URL: <https://www.wisebread.com/9-bizarre-money-superstitions-people-actually-believe> (дата обращения: 30.05.2024).
- 25 Classic coin wedding traditions // The Royal Mint. URL: <https://www.royalmint.com/stories/gifts/classic-coin-wedding-traditions/> (дата обращения: 06.11.2025).
- 26 Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives / ed. Ann-Britt Falk and Donata M. Kyritz. Oxford: British Archaeological Reports Oxford Ltd, 2008. 98 p.
- 27 Giedroyc' R. Superstition, Folklore and Your Money. Frederick: America Star Books, 2004. 116 p.
- 28 Hurtado C. Strange Money Superstitions (Or Are They?) From Around the World // Security National Bank. May 13, 2022. URL: <https://www.snbonline.com/about/news/strange-money-superstitions-from-around-the-world> (дата обращения: 06.06.2024).
- 29 Sefte // Old English Wordhord. URL: <https://oldenglishwordhord.com/2016/02/06/sefte/> (дата обращения: 25.05.2024).
- 30 Six weird money superstitions you haven't heard of // The Association of Accounting Technicians. 17.03.2016. URL: <https://www.aatcomment.org.uk/news/6-weird-money-superstitions-you-havent-heard-of/> (дата обращения: 25.05.2024).
- 31 West P. Superstitions: A guide to habits, customs and beliefs. Somerset: Green Pharmacy Magic Publ., 2021. 180 p.

References

- 1 Borisenko, T.V., Pitina, S.A. “Kontsept DEN’GI / MONEY v strukturakh raznykh kontseptual’nykh kategorii (na materiale assotsiativnykh slovarei)” [“The DEN’GI / MONEY Concept in the Structures of Different Categories (basing on Associative Dictionaries)”]. *Voprosy psicholinguistiki*, no. 3 (57), 2023, pp. 23–35. (In Russ.)
- 2 Ershova, A.A., Kazarian, O.V. “Natsional’nye osobennosti neverbal’nogo kommunikativnogo povedeniia” [“National Peculiarities of Non-verbal Communicative Behaviour”]. *Inostrannyi iazyk v professional’noi sfere: pedagogika*,

- lingvistika, mezhkul'turnaia kommunikatsiia. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [A Foreign Language in the Professional Sphere: Pedagogics, Linguistics, Intercultural Communication. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference], vol. 2. Moscow, The Kosygin State University of Russia Publ., 2024, pp. 128–131. (In Russ.)*
- 3 Zaitseva, T.A., Rodicheva, A.A. “Kontsept ‘den’gi / money’ v russkoi i angliiskoi iazykovykh kartinakh mira” [“The Den’gi / Money Concept in Russian and English Language World Image”]. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, no. 44, 2019, pp. 245–250. (In Russ.)
- 4 Zarubina, N.N. *Den’gi kak sotsiokul’turnyi fenomen [Money as a Sociocultural Fenomenon]*. Moscow, Ankil Publ., 2011. 200 p. (In Russ.)
- 5 Zelizer, V. “Sozdanie mnozhestvennosti deneg” [“The Creation of Money Multiplicity”]. *Ekonomicheskaiia sotsiologija*, no. 3 (4), 2002, pp. 58–72. (In Russ.)
- 6 Zimmel, G. “Filosofija deneg” [“The Philosophy of Money”]. *Teoriia obshchestva [The Theory of Society]*. Moscow, KANON-press-Ts Publ.; Kuchkovo pole Publ., 1999. 411 p. (In Russ.)
- 7 Lukin, V.A. “Semiotika deneg: den’gotsentrichnost’ cheloveka i antropotsentrichnost’ deneg” [“Money Semiotics: Money-Centricity of Man and Anthropocentricity of Money”]. *Politicheskaiia lingvistika*, no. 2 (44), 2013, pp. 55–64. (In Russ.)
- 8 Nikolaeva, E.V. “Fraktal’naia semantika rossiiskikh denezhnykh kupiur” [“Fractal Semiotics of Russian Banknotes”]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya*, no. 5 (56), 2015, pp. 156–163. (In Russ.)
- 9 Polan’i, K. “Semantika ispol’zovaniia deneg” [“Semantics of using Money”]. *Izbrannye raboty [Selected works]*. Moscow, Territoriiia budushchego Publ., 2010, pp. 89–103. (In Russ.)
- 10 Ryzhkova, A.D., Makarova, T.L. “Obrazy i simvolы v dizaine sovremennykh banknot Evropy” [“Images and Symbols in the Design of Modern Europe Banknotes”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 70, 2023, pp. 341–350. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-341-350>
- 11 Shadrina, A.A. “Emotsional’no-otsenochnyi komponent znacheniiia slov peníze, den’gi, money” [“The Emotional and Evaluative Component of the Meaning of the Words Peníze, den’gi, Money”]. *Slovo i tekst: psicholingvisticheskii podkhod*, no. 14, 2014, pp. 224–228. (In Russ.)
- 12 Maffesoli, M. *Le réenchantement du monde: Morales, éthiques, déontologies*. Paris, Table Ronde, 2007. 208 p. (In French)
- 13 McLuhan, Marshall & Quentin Fiore *The Medium is the Message: An Inventory of Effects*. London, Penguin Books, 2008. 160 p. (In English)
- 14 Nikolaeva, E.V. “Cross-cultural Verbal Communication in Everyday Culture.” *Inostrannyi iazyk v professional’noi sfere: pedagogika, lingvistika, mezhkul’turnaia kommunikatsiia: sbornik materialov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [A Foreign Language in the Professional Sphere: Pedagogics, Linguistics, Intercultural Communication: Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference]*, vol. 2. Moscow, The Kosygin State University of Russia Publ., 2023, pp. 17–22. (In English)